

Содержание

Михаил Павловец

«...нас положили внутрь музыки подвздошной» 5

I. Лучше не стало

«мальчик без устали кричит про волка...»	14
«равные равным сказали...»	15
Святки	16
«курс лекций про решето...»	18
«стало писать легко...»	19
«постаревшие футболисты...»	20
«как бы хотелось втащить в табло...»	21
«блюз в том что мужчины прокляты и солдаты...»	22
«кто видел заворот вещей...»	23
«мой первый дом...»	24
«грач говорит...»	25
Непрядва	26
«где татары не знают неприяды-реки...»	28
«несколько дней остаётся до вороньих крыльев...»	29
«очень мрачные люди идут по руине реки...»	30
«кто человек с пустой водой внутри...»	31
«посиди мужлан...»	32
«стыду совсем не запахло...»	33
«пушкарёв полюбил пушкарёву...»	34
Шведский мушкетёр	35
«мы живём в пузырьке-пузырике...»	36
«не город-мусорка...»	37
«мы играли ох как мы играли...»	38
«никто тарашился а некто сжёг билет...»	39
«мужество проходит...»	40
«вот и музыка слышна...»	41
«а вот что будет завтра...»	42
«вот диафильм выходящий из парка...»	43
«водители трамваев шли домой...»	44
«вечно живая...»	45

«а судьи кто...»	46
«соловей всё ждёт...»	47
«очень неожиданная свадьба...»	48
«когда нам говорят...»	49
«поехали с орехами...»	50
«иголку сломанную...»	51
Цусима	52
«из тех парней что пошли на маяк...»	54
«спасибо птичке за победу...»	55
Памяти Бахыта	56
«если кто-то жив...»	57
«я устал сражаться за муху в тесте...»	58
«анну любил и любил болейн...»	59
«такая простенькая штука...»	60
«а ещё ты знай...»	61
«я не нищий ты не нищий...»	62
«по замыслам советского гламура...»	63
«мальчик ходит по порогу...»	64
«если по местному времени будет какой-то сентябрь...»	65
«когда курлыкали манежи...»	66
«а давайте последнее...»	67
«свежий колобок...»	68
«первая фотосессия всегда происходит даром...»	69
«работоторговля страшнее чумы...»	70
«спасибо вашей мышке...»	71
«осторожность...»	72
«на проходной завода балтика...»	73
«вот любимая без оболочки...»	74
«за поворот речных путей...»	75
«танец планирует выйти...»	76
«уровень мерзости...»	78
«хлопок или хлопок попробуй понять до конца...»	79
«чемодан построенный как село...»	80
«если кушнер посолит груздь...»	81
«круглые часы подкатывают...»	82
«у одного человека так было развито этическое...»	83
«вам интересно что я знал кого-то...»	84

«когда мы вырубая и свет и охрану...»	85
1993	86
«из наушников по-прежнему летит...»	87
«русскоязычная правда...»	88
«примерная банка...».	89
«дорогой буккроссинг...»	90
«старая муха...».	91
«хорошая была бы обложка...»	92

II. Аверс — реверсу: не ссы, прорвёмся

«слепую ночь пройдя до половины...»	94
«до рассвета гуляла хмурая...»	95
«если бы утро не наступило...»	96
«я не смелый ни разу...»	97
«тирания добра поражает небесный свод...».	98
«если говорится на разрыв...»	99
«я бы открыл все двери...»	100
«если бы в мир наконец пришли...»	101
«разбиваешь известь...»	102
«да мой бельчонок...»	103
«на фотографии волнуется свобода...»	104

III. Содержит нецензурную брань

«мне кажется нетфликс...»	106
«последнее время...»	107
«ледокол керуак...»	109
«давайте проживём без гая риччи...»	110
«ящерица кусает в личку...»	111
«чем ты платишь?...»	112
«пыль да кабак...»	113
«если ясно всем...»	114
«новый выпуск мышцы кроме...»	115
«в мире комиксов жаркое лето и злая зима...»	117
Колизей	118
Рубикон	122
Сборная русской поэзии по футболу	124
«на похоронах русской культуры...»	128

«я в тоннеле...»	130
«если бы я был о себе...»	131
Карта родины	133
«наступило будущее...»	135
«вместо шапки на ходу он надел...»	136
«значит так...»	138
«если удаль горниста помножить на градусы горна...»	139
«ты же в общем-то и не папарацци...»	140
«мы окоём или окаем...»	141
«счастье могло быть немного другим...»	142
«три поросёнка в школьной тетради...»	143
«в этот странный безлюдный прозрачный день...»	144
«в тщательно дошедшем зипуне...»	146
«в библии не сказали одного...»	147
«пока подселенец дымит самосад...»	148
«здравствуй связной...»	149
«позднесоветское существо...»	150
«киньте мне слова снаружи...»	152
«мужество...»	153
«мы все помышкуем на этом снегу...»	154
«горевать бесконечно...»	155

«...нас положили внутрь музыки подвздошной»

Среди прочих форм профессионального признания в среде поэтов есть и такая: зовут или не зовут тебя читать стихи. Сегодня перформативный аспект бытования поэзии, кажется, стал особенно важен, приобретая характер ритуала: чтобы быть признанным в роли поэта, мало печататься, надо — быть званым читать «свое». Тем страннее среди прочих строк Данила Файзова встретить и такие, похожие на завуалированную жалобу:

*если бы я был о себе
неравномерно высокого мнения
я бы переживал
что меня нечасто приглашают выступить
со своими стихами
а даже редко*

Тут ведь вот что важно: Файзов — это тот, кто сам уже четверть века собирает поэтов на их и других поэтов выступления! Я думаю, нет в нашей стране человека, кто слышал бы вживую голоса такого количества поэтов — хороших и разных, всегда будучи при этом где-то сбоку, не пытаясь править вечером или выступать хозяином бала. «Культурная инициатива» — это именно что инициатива, импульс, нечто вроде искры стартера для запуска привычной работы поэтического мотора. Запустить — и поддерживать его ровный стук, ну а попутно — рекламировать другие вечера и книги, договариваться о новых мероприятиях, накрывать вскладчину скудный фуршет для друзей и близких автора и мн. др. Впрочем, как показывает и впрямь не такой частый опыт, все это никак не мешает и самому Файзову выходить на авторские вечера — на которые прежде всего собираются те, кого он

сам не раз выпускал по установленному порядку на сцену, кратко представляя публике. Потому что Данил Файзов — *genius loci* островка Поэзии

*в стране пухановских
берёз <которые>
украшены серёжками
косыми*

Стоит ли удивляться, что Файзов здесь не нанятый менеджер и не околопоэтический энтузиаст, а свой брат поэт, давно и славно пишущий собственные стихи, автор шести поэтических книг и целой россыпи подборок в литературных журналах и поэтических ресурсах? «Сам-друг» — он еще и «всем-друг» (а как иначе собирать на одной площадке народ, который на любой другой способен взаимоаннигилировать?) — но и зависим почти от всех («я умудряюсь жить до чужих получек»). Друзья-поэты в его стихах почти все представлены своими именами, причем не сценическими, а приятельскими («алексея васи бахыта») — и надо еще угадать, о ком из них идет речь, хотя далеко не всегда обязательно.

Последняя книга Файзова пронизана этим воздухом, голосами поэтов как ныне действующих, так и покинувших этот мир. Речь не о расхожей постмодернистской центонности, в которой авторская субъектность проявляется разве что в монтаже чужих аттракционов: это микроинтертекстуальность — на уровне конкретных слов, тесно спаянных с именем того или иного автора, даже рифм или приемов. Поэзия Файзова представляет собой коллаж не чужих голосов, но буквально — осколков чужих голосов, однако, во-первых, таких осколков, которые сохраняют способность отсылать к целому претекста, во-вторых, некоторые из них вписаны (вклеены на манер аппликации) в узнаваемый (узнаваемый для того, кто слышал манеру говорения Данила) голос поэта.

Этот голос чужд иератичности поэта-вещуна или же отстраненности поэтической маски, поэзия Файзова пронизана прежде всего отношением к себе «на равных», без надрыва или попытки выстраивания стратегий самопрезентации в субполе актуальной поэзии, без морализаторства по отношению к другим или к себе:

*я о себе неинтересного мнения
просто равен себе в тексте и в жизни*

Это тот случай, когда ни просодия, ни аура стиха не способна заглушить живого голоса автора, звучащего в непретворенном, нередуцированном виде. Кажется, это близко «говорной» школе русской поэзии, идущей от Маяковского — через Всеволода Некрасова и Яна Сатуновского. От последнего — еще и малая форма подавляющего большинства опусов, словно бы выщипнутых из живого потока речи — в тот момент, когда поэт только сменил в очередной раз тему, заговорил о чем-то достойном внимания или просто пришедшем на ум. При чем все это подчас в жанре устной заметки, попутной реплики. И — одна важная отличительная особенность: большая зависимость говорящего от звучащей формы слова: по сути, он развивает не саму мысль, выраженную в его тексте, но слово, обозначающее эту поэтическую мысль — свою или чужую (все тот же микроинтертекст).

*мы живём в пузырьке-пузырике
нам не снятся ни усмешки ни кошмарики
полицейские вокруг козыряются
вдаль летят на воздушном шарике*

Все ли видят чуковского комарика, спрятанного в этих строчках, который даже не упомянут, но очень важен?

В живом потоке речи связность не столь важна: речь обрывается на полуслове, лакунируется, грамматика подчас летит к чертям («когнитивное настраивает на /

безобразное вокруг сияет всё»), так как не всегда понятно, какой, собственно, частью речи является то или иное слово (*«стыда купило узелок / носки и правильный билет / одобрен выбор мускул нет / нет голоса и влас»*).

При этом для поэзии Файзова характерно монтажное соединение, скажем так, опыта поэтического, литературного — и прозаического, для него одной из ключевых метафор его восприятия собственного бытования в литературном «бытии и быте» является... рыбалка («я вытащил рыбешку из воды»), занятие одновременно демократическое, а для кого-то и полупрезренное — как форма досуга, коммуникации такими же одержимыми — и вполне себе поэтическое, даже на своих символических уровнях сакральное (вспомним о «ловце человеков»). Где-то поблизости здесь и грибалка, и футбол (замечательна собираемая Файзовым в одном из стихотворений гипотетическая «сборная русской поэзии по футболу»: в эту игру хочется включиться!); какие-то повседневные практики, «заботы суетного света», в которые душа поэта погружена, — например «шашлыки». Но это не антитеза «высокому служению», как у Пушкина, тем более что у Файзова и сама организация поэтических вечеров — все тот же литературный быт, повернутый к его организатору совсем не той стороной, что к восхищенной публике. Вряд ли для поэта все эти занятия не что иное, как его житнетворческие проявления в модернистском духе, скорее наоборот: само писание стихов для него — одна из таких жизненных практик, не противопоставленная другим и не выпячиваемая им на их фоне. Он живет — и, помимо прочих своих проявлений, проявляется на письме — как поэт.

Отчасти это, пожалуй, лирический дневник: вот человек, он живет свою частную жизнь, в ней что-то происходит, он как-то к этому «относится» («Лучше не стало» — название первой части книги; «Аверс — реверсу:

не ссы, прорвёмся» — второй; «Содержит нецензурную брань» — третьей: вот такая диалектика жизни), что-то его вдохновляет на поэтические строки, эти строки, в которых жизненные впечатления и наблюдения скорее преломляются, чем запечатлеваются, выстраиваются в определенный период жизни (если быть совсем точным — 2024–2026 годов). Даже если вынести за скобки биографию, состоящую из конкретных фактов, о том, чем жил и чем дышал автор в отчетный период, можно судить по его строкам. Он совсем не слеп и не глух к тому, чем наполнен загустевший почти до состояния битума воздух эпохи, он только избегает прямого слова: можно видеть в этом эзопову стратегию, но скорее поэт не играет в игры с неким запредельным «цензором», а ищет таких форм выражения, которые у человека на одной с ним волне способны резонировать, вызывать чувство опознания схожего опыта или ощущения, не оставив у него чувства излишней прямолинейности, тривиальности. А любого остального оставить просто равнодушным, разве что в некотором недоумении: э как кудряво человек выражается!

*очень мрачные люди идут по руине реки
их штанины пусты их рукава легки
их встречают глаза проржавелых тел
как бы говорят вы этого смерд хотел*

*вы зачем разрушили реку она текла
слезкой малой втекала в волгу и все дела
отражение выканья в зеркале той реки
отражением тыканья на острие строки*

*только вот равнодушные мрачные люди берут билет на сапсан
не мои глаза поглядели на них
и сказали нельзя
нельзя*

Зато на другом полюсе этого — «мысль семейная». Почти как у Толстого, жизнь человека у Файзова дается в тесной связи с жизнью его семьи: это и пресловутая «тихая гавань», и область постоянной заботы и прочих чувств героя поэта — вплоть до умиления и признательности. Как будто «тривиальное» возвращает себе права, ибо семья у Файзова — тоже не противостоит поэзии (тем более — не помеха ей):

*это останется дочери
это жене
а стихи*

*тоже им
не стране*

Не случайно этими строками завершается книга. Такая позиция делает поэта крайне уязвимым перед кривой ухмылкой — он и тут мягко подрывает стереотипы богеменного существования («*вот ты дурак / взвесишь глагол и упряжь / посмотри как другие слагают вирши*»). Он словно примиряет к себе маску «городского дурачка», чуть не юродивого — которую занятый куда более важными и впечатляющими занятиями социум навешивает на того, кто пытается заниматься поэзией, особенно ее поддержанием в публичном поле:

*я же сам сопрядал и мамаю не брат
полоумной поэзии русский болван
отражаюсь в дверях прислоняться*

Впрочем, возможно, это одна из тех позиций, с которых поэзия может сегодня продуктивно смотреть на разворачивающиеся перед ней пейзажи жизни — откуда-то сбоку, *ad marginem*, из пограничных пространств, сшиваемых ее иглою. Кстати, игла — один из любимых образов Файзова, как, скажем, и образ мухи, залетевшей сюда из андеграунда — то ли с полотен Кабакова, то ли из поэзии

Сапгира. Муха — она ведь еще и муза, и столь же вездесуща и всевидяща, ибо всепроникающая, демократична — но в искусстве обосновалась еще с античности.

*от горечи не знает звука
от сладости — стыда
наука мука это муха
жужжит очередная штука
над бременем труда*

Да и состояние «под мухой» не что иное как сниженный вариант бывшего романтического культа «высокого опьянения»: часть ритуала общения в дружеском кругу после удачно проведенного вечера. Такая форма принятия жизни — вариант современной «Жизни Званской» в исполнении одной из самых известных — в среде столичных (и не только) поэтов — фигур отечественной поэзии:

*а написал сегодня строчку
а воспитал чуточку дочку
и окуджаву не забыл
забав летейских возглашатель
направо мутный созидатель
налево всё что не прожил*

Михаил Павловец

I. Лучше не стало

* * *

мальчик без устали кричит про волка
но беда в том что волки всё же пришли
светофор замечает следы и сжигает свои иголки

оии оии оии оии оии

в подворотне вечерний звон из хрустальных штучек
я умудряюсь жить до чужих получек
нужно знать дорогу как говорится
от сердца к сердцу
и от сердца до нарисованных незабудок

около этих двушек одна навсегда погода
сколько времени этого времени года

оии кричу разевая пасть наблюдая пропасть
серый мальчик впавший в свою нелепость
оии грызут волчата виноградные гроздья
на краю у края за краем

крик мальчика бесполезен

* * *

равные равным сказали
поехали на абырвалг
там посидим как люди
крафтовое и шашлык
равные равным ответили
порван рюкзак
и выходной кишлак
и раскидной кадык

верный кинжал
отправляется летом нах
солнце оранжевое
обязанности бьют поддых

да и стареем плавки натёрли пах

берите на абырвалг
новеньких
молодых

Святки

I
нам не дано предугадать
где мы захочет жизнь отдать

где отвратительное слово
живёт до полвторого

а в третьем знаете часу
кладёт на хлеб не колбасу

а мысли из суглинка
под музыку тирамису
чайковского и глинки

часы тиранят век иной
минуты следуют за мной

вина прошедшего
не жаль
и только гордая печаль
не пробивает глинки

II

вот нам дано предугадать
как наше слово отзовётся

оно никак не отзовётся

оно простынет у колодца
и поминай его как звать

догадчик я доводчик
дверь
читатель
кашлятель угрюмый
дверь это смерть
но слово — дочь
так в среднем роде
на минутку

писатель дышит натошак
не отзывается никак

лишь у колодца платье вьётся
что признаёт
не признаётся

* * *

курс лекций про решето
дополнительно курс лекций о решете
в направлении на шапито
топают солдатики оловянные по воде

цирк сплошной олово не погружается в воду
клоуны проникают всюду
умные лекторы обещают свободу
каждому имея в виду верблюда

вода подпитывает траву
поддерживает снег
смешно
не правда ли
человек

на двадцать процентов состоит из юмора
на одну тысячную из олова
на одну стотысячную из слова
на одну кристаллическую решётку
из приоткрытых век

✱ ✱ ✱

стало писать легко
зло объяснимо
чётко
маленький плот на котором стоит добро
снизу его поддерживают черти
и говорят не раскачивай плотик
бро

перебирают чётки
но лица ведь их нечётки
каждое лицо — как слово
каждое сравнение сурово
каждый эпитет в полтретьего занесло

вот ты дурак
взвесишь глагол и упряжь
посмотри как другие слагают вирши
стало легко
нет не стало
и порознь
специально разводить постараюсь слова и вещи

вещь бахрома
слово кусочек ткани
вещь сковородка
слово кусок железа

вещь сигарета
слово дыхание
вещь словоблудие
слово место

умник весёлый
ну как тебе та игра

вся бахрома говорит
что поспать пора

★ ★ ★

постаревшие футболисты
играющие в радость
нет скорости взрывной
но есть
счастье

в очередной раз коснуться мяча
отдать короткий нечитаемый пас
что я читал с утра ворча?
куда этот счёт приводит нас?

коробка жжёт
дыхание выжигает
лёгкое свистит
голкипер тащит
молодой пятидесятилетний
в футболке ЦСКА призывает
более молодой в футболке ПСВ
прячет

в карманах горчичники валидол
кучку ещё таблеток
идёт игра
даже если отменяют чистейший гол
он же его забил
он своим расскажет с утра про это